

Кнут Гамсун в Сибири *

Е. В. Капинос, И. Е. Лоцилов

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Аннотация. Статья посвящена разнообразным формам влияния Кнута Гамсуна на сибирских писателей 1910–1930-х гг. На страницах сибирской периодики норвежский писатель нередко упоминался в театральной хронике, в перечнях европейских книжных новинок, в стихотворных текстах, но отчетливее всего он повлиял на общий северный колорит сибирской прозы. Полтора десятка рассказов и небольших повестей известных сибирских писателей (Георгий Гребенщиков, Исаак Гольдберг, Антон Сорокин, Георгий Вяткин) и почти забытых (Степан Исаков, Арсений Жилияков, Максимилиан Кравков) складываются в «сибирскую гамсуниану», отличительными чертами которой становятся антиурбанистичность, «этнография», фольклоризм, северные пейзажи и картины народного быта. При изучении текстов, ставших предметом описания в этой статье, использованы материалы архива историка сибирской литературы и критика Н. Н. Яновского, собравшего и напечатавшего в середине 1980-х гг. книгу рассказов С. Исакова и А. Жилиякова со вступительной статьей, где изложены биографии забытых писателей. Во вступительной статье к этой книге упомянуто о том, что литературные товарищи полушутя называли Степана Исакова «сибирским Гамсуном».

* Статья написана при поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 18-412-540003 ««Паралипоменон» сибирской литературы XX века в архивах и книжных собраниях Новосибирской области».

Капинос Е. В., Лоцилов И. Е. Кнут Гамсун в Сибири // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 315–336.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2020. № 2
© Е. В. Капинос, И. Е. Лоцилов, 2020

Особое внимание при анализе сибирской прозы на гамсуновские темы обращено на элементы стилизации северной мифологии, шаманских предсказаний, разного рода легенд, что создает образ Сибири, подобный образу северной Европы у Гамсуна.

Ключевые слова: Гамсун и сибирская проза, культ Гамсуна в России, Г. Гребенщиков, И. Гольдберг, А. Сорокин, Г. Вяткин, С. Исаков, А. Жиляков, М. Кравков, архив Н. Н. Яновского, Государственный архив Новосибирской области, сибирская периодика.

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-315-336

Контактная информация:

Капинос Елена Владимировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия, kulis@mail.ru)

Лоцилов Игорь Евгеньевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия), доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия, loshch@yandex.ru)

Несколько первых десятилетий XX в. Кнут Гамсун был необыкновенно популярен в Европе и в России. Сборники и многотомные собрания его сочинений выходили в разных русских издательствах (в том числе и в очень известных – в «Шиповнике» З. И. Гржебина, у А. Маркса, В. Саблина, М. Вольфа), драмы ставились на сцене МХАТа, его переводили с норвежского самые авторитетные переводчики, и даже поэты – А. Блок, К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис, гамсуновское влияние не обошло стороной и Сибирь.

Романы и повести Гамсуна объемны и разнообразны по технике и тематике, поэтому он интересовал читателей, имевших самые разные, даже противоположные литературные вкусы. Многие видели в нем едва ли не продолжателя русской классики XIX в.: в своих романах, повестях, интервью он нередко упоминал и цитировал Тургенева, Толстого, Достоевского. Другие ценили его как символиста: в это время в России утвердилась мода на экзотику европейского севера, а вместе с ней – на скандинавскую литературу. У русских поэтов начала XX в. сложился культ норвежских прозаиков и драматургов (Г. Ибсен, Б. Бьёрнсон, А. Хьеллан) и их героев – этаких «северных Гланов». Мимо Гамсуна не прошли и футуристы: изобретенное им в романе «Голод» слово-бред «кубоа» стало «постоянным героем всех апологий зауми» [Тименчик, 1977, р. 289], как и имя Илаяли.

Очень быстро эта мода дошла до российской провинции. Книги Гамсуна и самый дух гамсуновской прозы в первые десятилетия XX в. сделались одной из важных составляющих причудливого литературно-интеллектуального фона эпохи. В 1913 г. в запоздалом подражании «Евгению Онегину» культурные горизонты провинциальной барышни могли характеризоваться, например, так:

Цветы, и Гамсун, и наряды,
Толстой, и сельские обряды,
И «измы» разные смешно
Сливались в целое одно
[Липецкий, 1913, с. 17].

«Гамсунианские» чаяния русской литературы уже тогда во многом были связаны с Русским Севером и с Сибирью. В Сибири Гамсуна много читали, интерпретировали, ставили на сцене. Известный критик и публицист Н. Чужак (Н. Ф. Насимович) противопоставлял «упадочному» и «натуралистическому» импрессионизму метод Чехова и Гамсуна – импрессионизма «по преимуществу»:

Особенность последнего импрессионизма в том именно и заключается, что он стремится ухватить главнейшее, и, хоть неверное в отношении натуры, только *кажущееся*, но – общее. И частность для такого импрессионизма – не самоцель, а средство. Средство – для конечной цели: поднесения читателю экстракта впечатлений. Усугубление последнего, подчеркивание настроения. Словом – прием, практиковавшийся и предыдущей школой, реалистической. Таков, напр. <имер> импрессионизм Кнута Гамсуна, у нас – Антона Чехова [Чужак Н., 1909, с. 3].

В начале 1920-х гг. именем героя Гамсуна – «Лейтенант Глан» – подписывал свои новеллы один из благовещенских беллетристов¹; зимой 1923 г. Центральная Барнаульская Библиотека проводила «Скандинавские вечера», на которых разыгрывались сцены из пьес Ибсена² и читались доклады о Гамсуне; в газете «Советская Сибирь» рекламировались новые переводы:

В госиздатской серии «Новости иностранной литературы» вышел новый роман К. Гамсуна «Последняя глава» <...>, впрочем, одновременно вышедший в издательстве «Новая Москва». <...> Роман «Последняя глава» написан прекрасным гамсуновским слогом, так характерным для него. Несмотря на объемность, вся книга – от первой страницы до последней – чита-

¹ Отзыв о новеллах «Лейтенанта Глана» – в рецензии на 14-й номер благовещенского журнала «Чайка», рецензия подписана «Читатель», см.: [Читатель, 1919, с. 6].

² Программа одного из таких «Скандинавских вечеров» изложена в праздничном, предновогоднем выпуске газеты «Красный Алтай» 1922 г. [Красный Алтай, 1922, с. 4].

ется с неослабевающим интересом. Помогает и то, что Гамсун – мастер большого рассказа – вводит в повествование неисчислимое количество самых разнообразных бытовых моментов, комически или даже сатирически заостренных [Эфри, 1925, с. 10].

В «Советской Сибири» 1920-х гг. книжной рекламы было не так уж много, поэтому сам факт, что для этой довольно большой рецензии в газете нашлось место, весьма примечателен. Иркутский журнал «Пролетарская культура» рекомендовал учащимся Трудовых школ «ознакомление с главнейшими представителями новейшей и современной иностранной литературы (Гамсун, Оскар Уайльд, Метерлинк, Гауптман)» [Без подписи, 1920, с. 37].

В восприятии прозы Гамсуна после революции появился, однако, дополнительный оттенок, отмеченный в дневниковой записи М. Пришвина от 24 марта 1919 г.:

Раньше казалось мне, что Гамсун, уходя в лес, показывает нам природное начало человека-зверя и противопоставляет этому, как Толстой, верхний, оторванный от природы человеческий слой. Теперь у меня иной взгляд – я думал, читая пребывание Гамсуна в лесу, что вот как богато жило общество, до того богато, что отдельный человек мог находить удовольствие жить в торфяной юрте и общество находило интерес выслушивать его рассказы [Пришвин, 2008. С. 376].

В берлинском отклике на рассказ приехавшего в Петроград из Сибири Всеволода Иванова «Полая Арапия» говорилось:

Можно ли как литературу писать и как литературу читать поистине кошмарные страницы о голодных смертях, о людях, которые убивают людей, чтобы их съесть, о такой муке невообразимой, перед которой пиршеством оказывается голодание Кнута Гамсуна, и идиллией – его книга об этом [Каменецкий, 1923, с. 2]³.

Показательно, однако, что еще в 1937 г. в журнале «Сибирские огни» было напечатано выступление А. А. Фадеева, где Гамсун служил образцом и примером для писателей советской Сибири:

Областная литература нужна, она будет развиваться и расти, будет приобретать все большую силу. Но мы должны стремиться к тому, чтобы создать такую литературу, которая учила бы все передовое человечество, которая выводила бы за пределы бытовизма и на основе бытового материала ставила бы вопросы, которые волнуют всю огромную массу человечества. И вот к этому тт. сибирякам надо стремиться. Это не значит, что надо порвать со своей почвой. Ведь известно, что Кнут Гамсун написал великие вещи на материале маленького норвежского местечка. И это местечко вышло

³ Благодарим А. Б. Устинова (Сан-Франциско), приславшего нам копию этой рецензии.

за пределы страны, и в связи с этим местечком встали вопросы всего человечества [Без подписи, 1937, с. 154].

Еще до революции известный в Сибири и в столицах поэт, прозаик и журналист Георгий Андреевич Вяткин (1885–1941; репрессирован), работавший в 1920-е гг. в журнале «Сибирские огни», регулярно рецензировал новые книги скандинавских авторов, писал о значении пейзажей, о символизме в творчестве Ибсена и Гамсуна, искал скандинавские темы и символы у Б. Келлермана и Г. Гаумптмана, осветил приезд К. Гамсуна в Москву на премьеры Художественного театра, рассказывал сибирскому читателю и о самих этих премьерах⁴. Особенное сочувствие вызывал у Вяткина «призывный клич» «гамсуновского лейтенанта Глана – уйти от этой фальши и лжи к простоте и невинной правде полей и лесов» [Вяткин, 1912а, с. 2]. «Апология жизни заняла в современной художественной литературе большое и почетное место, и золотым ореолом сияет над ней роман Гамсуна “Пан”, едва ли не лучшее из всего, что писали люди нашего века о природе» [Вяткин, 1910, с. 3].

В прозаическом «эскизе» Вяткина «Царевна» провинциальный (скорее всего, омский) ландшафт напоминает рассказчику о художественном мире Гамсуна. Своеобразным достоинством героини, «канцелярской барышни» по имени Вероника, становится полное неведение о северном писателе и о витальной силе его прозы, которая находит в ней самой полное и точное воплощение, «в обход» литературной моды и круга чтения автора-интеллекта:

Мы идем мимо пристаней и барж, мимо лесопилки и мельницы, туда, где, почти уже за городом, река делает крутой и красивый поворот.

Мне вдруг почему-то вспоминаются «Мистерии» Гамсуна – и я спрашиваю Царевну:

– Вы читали «Мистерии»?

– А что это такое?

– Роман Гамсуна.

– Нет...

А из дальнейшего разговора я узнаю, что она не читала ни «Пана», ни «Виктории», не знает Ибсена, не слышала о Флобере.

– Послушайте, да как вам не стыдно сознаваться в этом?

Вместо ответа она прямо, без тени смущения, глядит мне в лицо, и я понимаю этот взгляд, и становится стыдно уже не ей, а мне, за мой вопрос [Вяткин, 1912в, между с. 2 и 3].

В собственном творчестве Вяткин явно подражал и Ибсену, и Гамсуну; как миниатюрный пример подражания риторике их персонажей может

⁴ См., например: [В-ин Г., 1905, с. 3–4; Вяткин, 1911, с. 2; Георгий В., 1911, с. 5; Вяткин, 1912б, с. 2; 1928, с. 5] и др.

быть прочитан рассказ «Мечтатели (Рукопись, найденная на улице)» (см.: [Вяткин, 1908, с. 43–45]).

Влияние Гамсуна, отголоски и переклички с его прозой обнаруживаются и у многих других сибирских писателей 1910–1920-х гг., как известных – Георгия Гребенщикова, Исаака Гольдберга, Антона Сорокина, так и почти забытых – Степана Исакова, Арсения Жиликова, Максимилиана Кравкова. Мало кому из них довелось пережить закат моды на «северный модерн»; в годы Второй мировой войны Гамсун был обвинен в сотрудничестве с нацистами, и в России вплоть до 1970-х гг. его имя почти не упоминалось⁵, – но гораздо раньше умерли С. Исаков и А. Жиликов (1921), вслед за ними А. Сорокин (1928), в 1930-х были расстреляны И. Гольдберг (1937), Г. Вяткин (1938) и М. Кравков (1938).

Драматичной оказалась судьба Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1882/1884 <?> – 1964), который уже в 1920 г. вынужден был покинуть Россию и поселиться сначала в Европе, затем в США. Характерно, что Америку Гребенщиков увидел очень «по-гамсуновски», гамсуновскими глазами. Гамсун в молодые годы дважды побывал в Америке (в 1882 и 1886 г.)⁶ и решительно не принял агрессивный американский урбанизм⁷. Те же чувства пережил и Гребенщиков, написавший о Нью-Йорке как о «гулко гудящем чудовище, задыхающемся в собственном угарнодымном дыхании» [Гребенщиков, 2013, с. 405]. Позже ему пришлось скорректировать свои впечатления: яркая экзотика заокеанской страны, ее масштабы, первозданность ее природы и скрытые в ней великие возможности стали напоминать ему Сибирь – ту, какой она изображена в его рассказах 1910–1920-х гг.

В русской культуре 1920-х гг. уже довольно трудно отделить собственно «гамсуновское» от традиционной общесимволистской приверженности к нордическому, фольклорному, «таинственному». Из всего многообразия поэтики Гамсуна сибирским писателям, пожалуй, ближе всего оказалась его «этнография» и «география», фольклоризм, северные пейзажи и на их фоне – картины народного быта. Следует напомнить, что любимые темы Гамсуна антиурбанистичны. Его мир – это глухие норвежские деревеньки с их патриархальными нравами и традиционным укладом, море, озёра, одинокие мельницы на ручьях и речушках, заброшенные каменоломни,

⁵ Характерно, что «Голод» Гамсуна читал крестьянам из коммуны «Майское утро» и обсуждал с ними известный просветитель А. М. Топоров: имя норвежского писателя, наряду с именами Мольера, Гёте, Толстого, Чехова и других классиков, присутствует в первом издании книги «Крестьяне о писателях» [Топоров, 1930, с. 39]. Во всех последующих изданиях, включая новейшие, Кнут Гамсун «выпал» из этого ряда.

⁶ См. об этом: [Будур, 2008].

⁷ Очерки об Америке составляют целый том собрания сочинений Гамсуна, выпущенных издательством «Шиповник» (см.: [Гамсун, 1909]).

разоряющиеся старинные замки, мрачные сельские кладбища, прогулки в живописных и прохладных лесах. Ко всем этим мотивам (за исключением, пожалуй, старинных замков) легко найти параллели у сибирских писателей: «голубые озера Алтая», илистые затоны со следами изюбрей по берегам, множество рек, равнинных и горных, непроходимая тайга, кедровые чащи, обвитые лианами, водопады, скованность холодом, тишина, безлюдность, печальные кладбища и т. д. Мрачный сибирский пейзаж со страшными олицетворениями вполне соответствует атмосфере предчувствия революции, смертей и разрушений гражданской войны, послевоенных руин.

Сибирская проза 1920-х гг. о природе в духе Гамсуна (а заодно и Пришвина, которого тогда считали его последователем⁸) почти всегда являет знаки времени. Стихийность народного сознания – ключевая тема небольшого рассказа Гребенщикова «Водяной», текста, до предела насыщенного олицетворением. Мельница с разбитым окошком выглядит старой ворчливой колдуньей, «прячущейся в темной зеленой роще и время от времени зорко кого-то высматривающей из-за деревьев своим черным кривым глазом» [Гребенщиков, 1910, с. 2], извилистый берег пруда и его блестящая водная гладь напоминает ящерицу:

Мельница ворчала и фыркала, косясь своим красным глазом на пруд, и он, тихий и румяный, сверкая своей гладью, неподвижно лежал в своих берегах, как огромная ящерица с большой головой и длинным, потерявшимися в густом камыше, хвостом [Там же].

Череда сменяющих друг друга, наслаивающихся олицетворений завершается описанием чудовища-водяного. Жутким Водяным кажется плывущему в лодке герою неподвижное и притягательное дно пруда, если наклониться к воде и всмотреться в глубину: «в темной тени водорослей, тихо колыхались целые гирлянды каких-то пушистых трав, точно зеленые космы какого-то огромного и молчаливо притаившегося на дне чудовища» [Там же].

Но «Водяной» – не столько мифическое существо, сколько метафора народного духа, в котором природное, стихийное, страшное суеверие заглушает все остальные начала:

Я вспомнил, как в одно лето толпа мужиков разнесла маслодельный завод и убила мастера, будучи убеждена в том, что дождевые тучи разгоняет

⁸ На первую книгу Пришвина, «В краю непуганых птиц» (1906) намекал уже в советское время исследователь Севера, писатель и художник Н. В. Пинегин, предлагая читателю вообразить «молоденького студента-художника, вдобавок охотника, влюбленного в дикую природу. <...> Он совершает смелые переходы с ружьем и этюдным ящиком по звериным тропам, где не ступала еще нога человека, сидит у костра в одиночестве, подобно героям Кнута Гамсуна, ведет разговоры с непугаными птицами и с любимой собакой...» [Пинегин, 1930. С 6].

машина <...> А сам все сильнее бежал от пруда, подгоняемый страхом. Не водяным, в которого не верил, но перед чудовищным суеверием темных людей, в зверство которых я не мог не поверить... [Гребенщиков, 1910, с. 2].

В сюжете этого рассказа никаких конкретных «зверств» не происходит (есть лишь намеки), но страшная, напряженная атмосфера, окрашенная ярким лиризмом, демонстрирует высокий уровень литературного мастерства автора. «Водяной» Гребенщикова имеет нечто общее с крестьянскими рассказами Бунина, писателя, успевшего увидеть, осмыслить и запечатлеть в «Окаянных днях» ужасы революции, хотя и уехавшего из России довольно рано, в 1920 г. – как и Гребенщиков, с которым Бунин был знаком и состоял в переписке.

Не менее трагичен еще один поворот сибирской темы. Особенности «органической» жизни и сознания коренных сибирских народов, ее полное несовпадение с русским укладом, влекущее за собой их гибель, – главные мотивы прозы Исаака Григорьевича Гольдберга (1884–1938; репрессирован). В 1914 г. он напечатал в Москве сборник «Тунгусские рассказы», на который критика отзывалась преимущественно недоброжелательно. В «Русском богатстве» его описания и сюжет были названы «бутафорской экзотикой»:

Недостаточно <...> набить всюду непонятных слов: илле, бое, унты, парна, иракса, нульга, ехондирить – перенять манерный стиль у молодых писателей. Надо дать хоть малое зерно, но подлинной, художественно-убедительной, а не из пальца высосанной правды [Без подписи, 1914, с. 375].

Между тем художественные поиски Гольдберга шли именно в направлении языка, и очень успешно. Спустя десятилетие критики стали называть Гольдберга создателем «русского колониального рассказа» и «русским Джеком Лондоном», в шутку замечая, что заглавие книги «Закон тайги» напоминает о «законе джунглей», и сожалея, что «каторжная Сибирь не Клондайк», а герой сибирской прозы не «радостный победитель “sunlander”». Сравнение это принадлежало сибирскому последователю Н. Гумилева Вивиану Итину – путешественнику и знатоку сибирской экзотики [Итин, 1923]. В рецензии 1923 г. он отметил повторяющийся почти без отступлений стандарт в расстановке персонажей у Гольдберга: «Тунгус всегда простодушный, честный, прямой <...>, челдон – жадный, преступный, хитрый» [Там же]. Рассказ «Закон тайги» – ключевой в одноименном иркутском сборнике 1923 г. Он драматичен и создает образ простодушно-го мышления коренного жителя тайги.

От ранних изданий Гольдберга к позднейшим писатель искал и находил те формы, в которых можно было бы средствами русского языка передать совсем «не русские» мысли и чувства. И это, конечно, не только чужая лексика (ее довольно много, и к своим тунгусским рассказам Гольд-

берг прилагал словарик с толкованием экзотических слов)⁹, но и синтаксис, и особенно манера «закавычивать» вовсе не экзотические, а обычные слова, которые, однако, тунгус понимает совсем «не по-русски». Например, русских купцов, приезжающих в тайгу, чтобы «торговать» с тунгусами, т. е. менять спички, патроны, муку и водку на драгоценную пушнину, всегда именуют «друг», хотя речь идет совсем не о дружбе, а всегда несправедливом, часто обманном, но жизненно-необходимом деле. Поэтому слово «друг» часто попадает в кавычки, иногда остается без них, но и тогда («подвох» в этом слове есть и угадывается читателем сразу).

Еще одна особенность: тексты Гольдберга поделены абзацами на множество коротких фрагментов, едва ли не каждая фраза тунгусских рассказов образует отдельный абзац. Сочинительные связи, параллелизм (в том числе грамматический) создают особый ритм повествования: констатирующего, слегка монотонного и тем самым интонационно сближенного с эпическими жанрами северного фольклора. Одна картина быстро сменяется другой, дни – ночами; создается впечатление все ускоряющегося времени, неумолимо приближающейся трагической развязки. «На несложной канве, – пишет о Гольдберге Итин, – нарисованы чудесные картины. Его описания – как явь. Его действие молниеносно, а кажется дрящимся, словно представление о четвертом измерении» [Итин, 1923, с. 240]. Поединок с природой и вместе неотторжимость от нее, несовместимость коренных культур с культурами переселенцев, порабощение природы чужаками, – все это предопределяет обычный для прозы Гольдберга трагизм.

В 1960-е гг., собирая материалы для статьи об этом талантливом писателе, историк сибирской литературы и критик Н. Н. Яновский сделал в своей тетради несколько набросков о характерных сюжетах тунгусских рассказов; с его оценками нельзя не согласиться: «“Последняя смерть” – великолепный рассказ, смерть семейства тунгусов от волков, от голода, от того, что купец не пришел вовремя»¹⁰, «“Закон тайги” – тоже хорошо написанный рассказ, столкновение закона тайги с законами русских, явное сочувствие законам тайги»¹¹, «Нарисовано сильно, но это борьба неравная человека с природой, со зверем»¹², «“За что они нас убивают” – оставил эвенк молодую жену в чуме. Сам ушел на охоту. Набрел медведь на чум

⁹ Рассказу «Закон тайги» И. Гольдберг, несомненно, придавал особое значение: он открывает также книгу «Простая жизнь» [Гольдберг, 1936, с. 3–10]. Именно к этой книге рассказов Гольдберга 1936 г. приложен небольшой словарик с «объяснением туземных и областных слов» [Там же, с. 213–214], который с вариациями воспроизводится в и последующих прижизненных изданиях. Толкования из этого словарика были использованы в издании Гольдберга 1989 г. (см.: [Гольдберг, 1989]).

¹⁰ ГАНО. Ф. 227. Оп. 1. Д. 480. Л. 14.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 31.

и разорвал Ашиту. С тех пор убивает Баракуль медведей в берлоге – мстит»¹³.

Элементы стилизации северной мифологии, шаманских предсказаний, разного рода легенд характерны для прозы Гольдберга, как и других сибирских писателей. Встречи с разного рода духами, троллями, мертвецами, в мареве сна или в порыве вдохновения – еще одно общее место скандинавской прозы. Героями «сибирской гамсунианы» также владеют некие мистические переживания. Они чувствуют, что тайга (и всё, что в ней) находится во власти какой-то непостижимой, нечеловеческой силы; в ней звучат неведомые голоса, она принадлежит неведомым хозяевам, и эта живая, но нечеловеческая сущность, проступает и в пейзажах, нарисованных Степаном Ильичом Исаковым (1884–1921).

Этот обычный тон самонаблюдения, напоминающий тон Гамсуновского «Пана», сделал то, что литературные товарищи полушутя стали звать Ст.<епана> И.<сакова> «Сибирским Гамсуном». Разумеется, в таком прозвище не подразумевалось ни равенство талантов Гамсуна и Исакова, ни прямая подражательность второго первому – этим отмечалось только сходство литературной манеры обоих [Казанский, 1922, с. 164]¹⁴.

Наблюдение одного из товарищей Исакова по работе в журнале «Сибирский рассвет», Порфирия Алексеевича Казанского, печатавшегося под шуточным псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий» (1885–1942), можно распространить на всех авторов этого сборника: речь идет не о сопоставлении масштабов и не о подражаниях, но о переключках и отголосках, общности «метода». Возможно, С. И. Исакова друзья называли «сибирским Гамсуном» (см.: [Яновский, 1986, с. 430]) еще и за то, что северные пейзажи сочетаются у него со стилизациями охотничьего фольклора, как, например, в рассказе «Горный дух» 1914 г.

Первый рассказ был напечатан в изящно изданном под редакцией Г. Д. Гребенщикова «Алтайском альманахе». Оформляли альманах алтайские художники Г. Гуркин и И. Вандакуров. В модернистском духе текст обрамлен виньеткой, в которой макабрически сплетены христианские и языческие, шаманские мотивы.

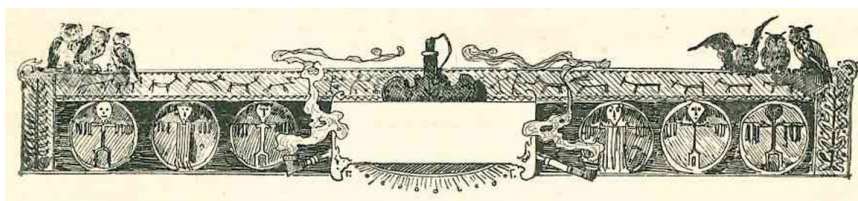
«Дух Гор» в рассказе – это, конечно, метафора, воплощение и «слепой воли Бога», чувства непостижимой сущности природы, и романтической мечты о свободе, которой лишает человека «туберкулезный город». «Гор-

¹³ ГАНО. Ф. 227. Оп. 1. Д. 480. Л. 31.

¹⁴ С. И. Исаков скончался от туберкулеза, а А. И. Жиликов погиб «нелепо, как нелепо шла и жизнь его; заночевавши в нетрезвом виде у знакомых, он ночью захотел во что бы то ни стало выбраться из запертой хозяевами для его же безопасности комнаты. Открыл окно и хотел спуститься со второго этажа при помощи простыни и одеяла; но сорвался, расшибся и через три дня, не приходя в сознание, умер. Семья его осталась без всяких средств к существованию» [Казанский, 1922, с. 162]. См. также некролог [Красный Алтай, 1916, с. 4].

ный Дух» ломает жизнь молодого героя, доведя его до безумия, что делает этот рассказ похожим и на романтическую повесть, и на символистскую новеллу, эффектно совмещающую внешнее с внутренним:

Казалось, что я лишился рассудка, мысли тухли при самом появлении или летели из головы и металась из угла в угол, а Дух Гор ловил их и прятал в складки травяных одежд и отнимал мой разум... Казалось, что земля колеблется бесшумно и тихо, как какая-то упругая масса, и мое тело, придавленное чем-то страшно тяжелым сверху, на волнообразном тумане медленно погружается в отверзшуюся пасть земли [Исаков, 1914, с. 130].

Виньетка Г. Гуркина и И. Вандакурова к рассказу С. Исакова «Горный дух» (Алтайский альманах. СПб, 1914)

Vignette of G. Gurkin and I. Vandakurov to S. Isakov's short story "Mountain Spirit" (Altai Almanac. St. Petersburg, 1914)

Один из устойчивых признаков героя северной прозы (не важно, русской или европейской) – одиночество. Стоит вспомнить повесть Гамсуна «Под осенней звездой», собирающую в себе все элементы сюжета о неприкаянном страннике. Бродяги, ссыльные, поселившиеся в глуши отшельники и затворники, всяк со своей верой и правдой, – таковы типичные сибирские персонажи («А живем в лесу, молимся колесу... Народу не видамши», – вещает «Горный Дух» Исакова [Исаков, 1914, с. 130]). Между тем эти отшельники и бродяги, затерявшиеся в сибирской тайге, рассказывают истории, дающие яркое представление и о предреволюционной, и о послереволюционной России, и о психологии человека, живущего с ощущением катастрофичности, гибельности мира. Так, в рассказе писателя Арсения Ивановича Жилиякова (1879–1921) «Улыбка лета» двое, ссыльный и мастеровой, говорят о своей соседке – юной девушке, вчерашней гимназистке, напуганной в детстве еврейским погромом, и о самих себе, повидавших немало страшного на своем веку. Ужас от увиденного пробудил в них общее для эпохи стремление повлиять на историю, изменить жизнь к лучшему.

Рассказ, напечатанный с подзаголовком «Эскиз карандашом», живописен: в нем много цветных зарисовок («она бережно держала пучок нежных, хрупких, точно отлитых из воска, лесных лилий» [Жилияков, 1913, с. 2]), а среди фоновых персонажей мелькает образ художника: «... в это

лето здесь жил заезжий художник, имя которого хотя и было уже известным, но деревню он предпочитал модным курортам, дачным центрам и скромно работал в глуши» [Жиляков, 1913]. Трудно сказать, был ли реальный прототип у этого второстепенного персонажа жиляковской новеллы, но можно предположить связь с образом и трагической историей почти забытого ныне художника В. Д. Вучичевича-Сибирского, жившего с 1890 г. в Томске, преподававшего в Мариинской женской гимназии и Томской духовной семинарии¹⁵. Черносотенный погром, случившийся в этом городе в 1905 г., стал сюжетом одной из самых известных его картин.

В рассказе прозаика, геолога и краеведа Максимилиана Алексеевича Кравкова (1887–1942) «Таежными тропами» другой ссыльный, сбежав из тюрьмы, пытается спастись от белочехов, но его нервы не выдерживают страха преследования и тягот таежных скитаний. В отчаянии он правит свою лодку в стремнину горной реки... Его спутнику удается спастись, и опыт выживания в тайге, поразившей героя своим великолепием и суровой непостижимостью, оказывается в фокусе повествования, – а не более масштабные исторические и политические коллизии.

Видения пробирающегося через тайгу героя этого рассказа не менее выразительны, чем в рассказе Исакова «Горный дух»: в морозном и голодном мороке он видит и «зелено-серого и рыжего черта – моховика», и лукавую «речную красавицу» русалку, и седую, «с рвущимися от ветра длинными волосами» старуху-метель, и ласковую и по-кошачьи гибкую снежную деву. В его горячечном бреду все во все превращается: тайга – в океанское дно, снежная чаща – в весенние луга, зима – в лето, весну и осень. Все времена года проходят по страницам короткого рассказа, как и всевозможные стихии – огонь, вода, ветер, метель – бушуют в нем. Вот один из характерных пейзажей, рисующий сибирскую тайгу как одушевленный «гамсунианский» лес:

Добрый дух обитает в глухой курье под дряхлым ломом и похож на бревно, користое, как спина крокодила, без ног и без рук, с усатой головой выдры. С того берега смотрится в затон шишковатый, лысеющий хребет. Нет добра и нет зла, бесстрастно говорят его молчаливые сыновья-деревья и спокойно гибнут от времени, заменяясь другими [Кравков, 1923, с. 71–72].

В таинственном ужасе пейзажа прочитывается метафора революции, войны:

А наутро, глядишь, и слетел на повороте с рельс какой-нибудь воинский поезд. И опять мечутся по линии беспомощные броневики, опять на телеграфных столбах висят трупы, опять безумно хлещет граната в какое-нибудь на пять верст от дороги ушедшее село [Там же, с. 67].

¹⁵ См. о нем беллетризованное повествование: [Логинов, 1954].

Впервые рассказ «Таежными тропами» был опубликован в «Сибирских огнях», где с начала 1920-х гг. Кравков напечатал десятки очерков и художественных произведений. Профессия журналиста отразилась в его рассказах: и в самих заглавиях, с их уже готовым образом дороги («Таежные тропы», «Саянские скитания»), и в топографической убедительности описаний таежных троп и речных переправ, – несмотря на их мистический, фантастический колорит:

Мы плывем все быстрее и быстрее, и бесшумно ускользает под нами разноцветное дно – мозаичный ковер в голубом хрустале. Мерцают неживые цветы: рдяные, бледные фиолетовые – дремлют в холодной глубине [Кравков, 1922, с. 51].

«Саянские скитания» можно было бы считать путевым очерком, описанием возвращения автора из таежной экспедиции, но очерк украшен вставными новеллами, герой которых – некий Филатыч. Сам рассказчик его не видел, но слышал о нем от бывалых людей, встреченных им на таежных тропах, и записал рассказанные ими истории: к примеру, о том, как Филатыч, заблудившись как-то в тайге, отыскал путь домой, о том, как спас оставшегося сиротой «тунгусенка», как убил страшного, нападавшего на людей, медведя. Все эти истории звучат как легенды, превращая таежную экспедицию со всеми ее тяготами в «сказку о древнем, запретном».

Топографическая точность свойственна и прозе Степана Исакова. Два заглавия его рассказов «Недра жизни» и «Горный дух» не случайно перекликаются между собой: горное, природное, сокрытое в глубине недр влечет героев Исакова из каменного города на волю, что, конечно, вызывает сочувствие, особенно если помнить о напряженном и страшном времени, в которое они живут. В «Недрах жизни» город, из которого убегает дезертир, не назван, но точно опознается как дореволюционный Ново-Николаевск (с 1926 г. – Новосибирск): перерезанный маленькой речушкой Каменкой, вдоль берега которой «теснятся лачуги бедняков», с Южным вокзалом на окраине, откуда идут поезда на Алтай. Этот рассказ, как и некоторые другие у Исакова, автобиографичен: с началом Великой войны, в 1914 г., его, сотрудника барнаульской газеты «Жизнь Алтая», мобилизовали в армию, и два года он, уже серьезно болевший туберкулезом, провел в казармах Новониколаевска¹⁶. Позже, в 1919 г., Исаков редактировал журнал «Сибирский рассвет», где печатались Вяткин, Гребенщиков, Гольдберг, Жиликов, Шишков. Секретарем редакции этого журнала был белый офицер, поэт Ю. В. Ревердатто¹⁷, позже, в 1921 г., покончивший жизнь самоубийством во Владивостоке.

Многие сибирские писатели начала века, в том числе Исаков и Жиликов, были самоучками; выйдя из народной среды, они самостоятельно по-

¹⁶ См.: [Яновский, 1974, с. 154].

¹⁷ См.: [Там же, с. 132].

стигали тайны словесного искусства. Такой путь чрезвычайно ценил Гамсун, которому тоже пришлось обойтись без серьезного образования и чьей-либо помощи. Этими чертами своей биографии он наделял иногда и своих героев, провинциальных писателей, чей талант лишь постепенно раскрывается в глуши, в наблюдениях над природой, в уединенном чтении всего подряд и упорной работе над словом (как, например, герой романа «Виктория»).

Исаков и Жилияков – писатели, имена которых воскресил для публики Н. Яновский, критик собрал и напечатал в середине 1980-х гг. книгу их рассказов, снабдив это издание вступительной статьей, где изложил и биографии забытых писателей. В первоначальный вариант статьи об Исакове была включена любопытная история из жизни самого издателя:

Однажды Александр Павлович Квятковский, автор теперь широко известного «Поэтического словаря» спросил меня, знаю ли я, сибиряк, имя писателя Степана Исакова, талантливого прозаика 1910-х годов?

– Могу подарить уникальное издание, – продолжал он, – однодневное приложение к газете «Красный Алтай» – «1-ое Мая», выпуск барнаульского Лито в 1921 году. Здесь, кстати, и мои стихи – я ведь начинал свою литературную работу в Барнауле. И здесь впервые опубликован отличный рассказ Степана Исакова «Без имени».

Я ответил, что имя Исакова мне известно по журналу «Сибирский рассвет», который издавался в 1919-м году, да по рассказу «Там, в горных долинах», выпущенному отдельным изданием в 1918 году в Барнауле. А о рассказе «Без имени» впервые слышу.

Вполне естественно, что я его тут же прочитал и убедился: это действительно произведение яркое, глубокое. С этого момента я как литературовед «заболел» Степаном Исаковым¹⁸.

К художественному миру скандинавского модерна Николая Яновского приобщил, в свою очередь, поэт Георгий Оболдуев, с которым они сблизились в годы ссылки:

– Вы не читали Ибсена и Гамсуна? Милый мой, вы счастливейший человек! Вам предстоит открыть их книги – «Бранд» и «Голод», «Пер-Гюнт» и «Пан», «Кукольный дом» и «У врат царства»!.. Возвращайтесь немедленно, бегите – здесь в библиотеке чуть ли не полное собрание их сочинений!

Я в самом деле возвращался, бежал, брал сразу несколько томов и на ходу с нетерпением и трепетом открывал первую страницу. Я «глотал» таким образом «открытых» писателей не отдельными их книжками, а собраниями сочинений [Яновский, 2009, с. 217].

Речь идет о библиотеке Беломорско-Балтийского комбината на Медвежьей горе.

¹⁸ ГАНО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 213. Л. 8.

Антон Семенович Сорокин (1884–1928) – яркая и прежде всего скандально известная фигура омской литературной жизни 1910–1920-х гг. Авантюрное литературное поведение Сорокина надолго сделало его фигурой предельно эксцентрической и неоднозначной¹⁹. Именно с Сорокиным и его присутствием в культурной жизни города связан *couleur locale* Омска этих лет. Сорокин был яркой и исключительно обаятельной личностью, значение которой еще предстоит осмыслить и оценить. Плодовитый писатель-дилетант (почти всю жизнь он служил счетоводом) с характерной поэтикой «провинциального декаданса», он прославился в первую очередь как организатор литературных мистификаций и авантюр, каждая из которых, во-первых, заслуживает внимательного изучения, а во-вторых, отражает оригинальные и нередко опережающие время повороты философской и литературно-теоретической мысли. Дом Сорокина и личность Сорокина стали своеобразным центром культурной жизни города еще до революции и продолжали оставаться таковыми до самой его смерти. В. Я. Зазубрин уподоблял произведения писателя «плодам земли»:

«На вкус и цвет товарищей нет» – кому нравятся бананы или ананасы под березой, кому огурцы. Рассказы Антона Сорокина нам кажутся вот такими понятными, простыми и «выразительными» огурцами. <...> Сорокин же пишет о Сибири, не мудрствуя лукаво, и ее образ реален и пахуч, как красный кровяной кусок сырой, парной баранины. Сорокин хорошо показал киргиза, для которого аэроплан – птица, несущая яйца, родящие гром. Читатель вместе с сорокинским киргизом опасается немного, что как бы эта птица действительно не стала вить гнездо в степи из юрт бедных кочевников. Писатель показал нам туземца при царе, при белых и при советской власти. Он рассказал нам о драме кочевника-скотовода, которого заставили рыть окопы: «Андрюшке, ты сдурел что ли? Не буду рыть землю. Степь-матери больно, степь кормит. Зачем буду землю портить? Не буду» [Зазубрин, 1927, с. 44–45].

Среди стихотворных посвящений писателю в его архиве сохранились строки двух стихотворений сибирского поэта Игоря Кронидовича Славнина (1898–1925), которыми мы и позволим себе завершить эту статью²⁰:

Вы возникли из безумного Гамсуна,
Полюбившего беспредельную ширь,
Вы сегодня пьяны от шампанского,
Вас порочная боль не страшит.
Я хочу, чтобы злее, обиднее,
Беспощадней звенели слова, –

¹⁹ См. убедительное современное толкование особенностей личности и творческого поведения Сорокина [Гончарова, 2001, с. 249–259].

²⁰ Авторы благодарят Ю. П. Зародову (Омск), которая прислала нам посвященные Сорокину неизданные стихи И. Славнина и дала разрешение включить их в статью.

Как в бреду зачарованной Индии,
Прикоснулась к рубцам бичева ²¹.

Вы тоже любите город, но Ваши больные стансы
Грустят о недавней сказке, забытой в бездумье ночей,
Вам кажется странно-близким интмно-разбросанный Гамсун,
В душе затаивший радость привольных диких степей ²².

Список литературы

[*Без подписи*] Новые книги. [Рец. на]: Ис. Гольдберг. Тунгусские рассказы. Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 157 с. Ц. 80 к. // Русское богатство. 1914. № 4. С. 375.

[*Без подписи*] Примерный план занятий по родному языку в трудовой школе // Пролетарская культура: Орган Иркутского Отдела Народного Образования. 1920. № 1, 1 апр. С. 37.

[*Без подписи*] Сибирские писатели в Москве [Заключительное слово тов. Фадеева] // Сибирские огни. 1937. № 3. С. 154.

Будур Н. Гамсун. Мистерия жизни. М.: Молодая гвардия, 2008. 327 с.

В-ин Г. [*Вяткин Г. А.*] «Роза Бернд» Г. Гауптмана (Два слова по поводу постановки этой пьесы на местной сцене) // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (Томск). 1905. № 177, 27 авг. С. 3–4.

Вяткин Г. Голос с гор (Из новостей иностранной литературы) [О «Петере Каменциде» Г. Гессе] // Сибирская жизнь (Томск). 1912а. № 123, 3 июня. С. 2.

Вяткин Г. Ибсен: По поводу 100-летия со дня рождения // Сов. Сибирь. 1928. № 76, 20 марта. С. 5.

Вяткин Г. Из новинок беллетристики: Рассказы Ив. Новикова // Сибирская жизнь (Томск). 1912б. № 277, 14 дек. С. 2.

Вяткин Г. Мечтатели // Второй литературный сборник сибиряков. Рассказы и стихи: Товарищеское издание. СПб.: Тип. «Север», 1908. С. 43–46.

Вяткин Г. Псалом жизни (О романе Б. Келлермана «Ингеборг») // Сибирская жизнь (Томск). 1910. № 219, 3 окт. С. 3.

Вяткин Г. Столичные письма: На декабрьской выставке; Новости Художественного театра; Новое литературное общество и его первый вечер // Сибирская жизнь (Томск). 1911. № 18, 23 янв. С. 2.

Вяткин Г. Царевна: Эскиз // Омский вестник. 1912в. Доб. к № 168, 29 июля. [Между с. 2 и 3].

Гамсун К. Духовная жизнь Америки // Гамсун К. Собр. соч. Т. 1. СПб: Шиповник, 1909. 194 с.

²¹ БУ ИсА. Ф. 1073. Д. 628. Л. 232.

²² Там же. Л. 131.

Георгий В. [Вяткин Г. А.] За огонек // Сибирская жизнь (Томск). 1911. № 180, 14 авг. С. 5.

Гольдберг И. Простая жизнь. Москва; Иркутск: ОГИЗ, 1936. 213 с.

Гольдберг И. Г. Сладкая полынь: Повести, рассказы / Сост., послесл. и коммент. В. П. Трушкина. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 622 с. (Серия «Литературные памятники Сибири»)

Гончарова О. М. «Игра» в жизни и творчестве Антона Сорокина // Культура и текст. Славянский мир: прошлое и современность: Сб. науч. тр. Барнаул, 2001. С. 249–259.

Гребеничиков Г. Водяной // Сибирская жизнь (Томск), 1910, № 15, 20 янв. С. 2.

Гребеничиков Г. Собр. соч.: В 6 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2013. Т. 4. 428 с.

Жиляков А. Улыбка лета: Эскиз карандашом // Жизнь Алтая (Барнаул). 1913. № 137, 23 июня. С. 2–3.

Зазубрин В. Проза «Сибирских огней» // Художественная литература в Сибири (1922–1927): Сб. ст. и докл. Новосибирск: Сибирский Союз Писателей, 1927. С. 44–45.

Исаков С. Горный дух // Алтайский альманах / Под ред. Г. Д. Гребеничкова. СПб., 1914. С. 105–133.

Итин В. [Рец. на]: Ис. Гольдберг. Закон тайги. Иркутск, 1923 <...> // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 240–241.

Казанский П. Две утраты: А. И. Жиляков и Ст. И. Исаков // Сибирские огни. 1922. № 2. С. 161–166.

Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю. И.] Литературные заметки // Руль (Берлин). 1923. № 694, 11 марта. С. 2.

Кравков М. Таежными тропами // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 66–79.

Кравков М. Из саянских скитаний // Сибирские огни (Новониколаевск). 1922. № 2 (май-июнь). С. 50–57.

Красный Алтай (Барнаул). 1921. № 135, 19 авг. 4 с.; 1922. № 298, 30 дек. 4 с.

Липецкий А. Надя Данкова: Повесть. СПб.: Изд. книжного магазина бывш. М. В. Попова, [1913]. 146 с.

Логинов Ф. Заимка Вучичевича: Главы из повести // Сталинский Кузбасс. 1954. Вып. 7. С. 137–167.

Пинегин Н. В. Записки полярника. Архангельск: Севкрайгиз, 1930. 328 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. СПб.: Росток, 2008. 560 с.

Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме II // Russian Literature. 1977. Vol. 5, iss. 3. P. 281–300.

Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М.: Госиздат, 1930. 179 с.

Читатель. «Друг» Ф. Чудакова. «Чайка» № 14, Благовещенск // Эхо (Владивосток). 1919. № 88, 12 июля. С. 6.

Чужак Н. Новейшие писатели: I. П. Потемкин (Певец ресторано-парикмахерской культуры) // Восточная заря (Иркутск). 1909. № 207, 25 дек. С. 3.

Эфри. Новый роман Гамсуна // Сов. Сибирь (Ново-Николаевск). 1925. № 12, 15 янв. С. 10.

Яновский Н. Забытый поэт. Памяти Г. Н. Оболдуева // Оболдуев Г. Стихотворения <19>20-х годов. М.: Виртуальная галерея, 2009. 304 с.

Яновский Н. Зачинатели советской литературы в Сибири // Жиликов А. И., Дело мирское: Рассказы. Исаков С. И. Недра жизни: повести. Рассказы. Очерки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. С. 430. (Серия «Литературные памятники Сибири»)

Яновский Н. Один из зачинателей советской литературы в Сибири // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1974. Т. 3. 622 с.

Архивные материалы

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 227. Оп. 1. Д. 480; Ф. 271. Оп. 1. Д. 213.

Исторический архив Омской области (БУ ИСА, Омск). Ф. 1073. Д. 628.

Article metadata

Title: Knut Hamsun in Siberia *

Authors: E. V. Kapinos¹, I. E. Loshchilov²

Authors' e-mail: ¹ dzerv@mail.ru, ² loshch@yandex.ru

Authors' affiliation: ¹ Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation); ² Institute of Philology SB RAS; Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The article is devoted to various forms of Hamsun's influence on Siberian writers of the 1910–1930s. On the pages of Siberian periodicals, the Norwegian writer was often mentioned in theatrical chronicle, in the lists of European book novelties, in poetic texts, but he influenced most clearly the general northern flavour of the Siberian prose. Fifteen stories and short novellas of famous Siberian writers (Georgy Grebenshchikov, Isaak Goldberg, Anton Sorokin, Georgy Vyatkin) and almost forgotten writers (Stepan Isakov, Arseny Zhilyakov, Maximilian Kravkov) form the “Siberian Hamsuniana”, the distinctive features of which are “anti-urbanism”, “ethnography”, folklorism, northern

* The article was written with the support of the Russian Federal Property Fund and the Government of the Novosibirsk Region in the framework of project No. 18-412-540003 “Paralipomenon of Siberian Literature of the 20th Century in the Archives and Book Collections of the Novosibirsk Region”.

landscapes and scenes of folk life. When studying the texts that became the subject of description in this article, the materials from an archive of the Siberian literature historian and critic N. N. Yanovsky were used, who collected and printed a book of short stories by S. Isakov and A. Zhilyakov in the mid-1980s with an introductory article, which sets out biographies of forgotten writers. In the introductory article to this book, it is mentioned that literary comrades called Stepan Isakov half-jokingly to be the “Siberian Hamsun”.

When analyzing the Siberian prose on Hamsun themes, special attention was paid to the stylization elements of northern mythology, shamanistic predictions, various legends, which creates an image of Siberia similar to the image of northern Europe by Hamsun.

Key terms: Hamsun and Siberian prose, the cult of Hamsun in Russia, G. Grebenshchikov, I. Goldberg, A. Sorokin, G. Vyatkin, S. Isakov, A. Zhilyakov, M. Kravkov, N. N. Yanovsky’s archive, State Archives of the Novosibirsk Region, Siberian periodicals.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-315-336

Reference literature (in transliteration):

[Anonymous] Novye knigi. [Rets. na]: Is. Gol'dberg. Tungusskie rasskazy. Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve, 1914. 157 s. Ts. 80 k. [New books. [Review of]: Is. Goldberg Tunguska stories. Book Publishing House of Writers in Moscow, 1914. 157 p. The price is 80 k.]. *Russkoe bogatstvo* [*Russian Wealth*]. 1914, no. 4, p. 375. (in Russ.)

[Anonymous] Primernyy plan zanyatiy po rodnomu yazyku v trudovoy shkole [An approximate plan of lessons in the mother tongue at the labor school]. *Proletarskaya kul'tura: Organ Irkutskogo Otdela Narodnogo Obrazovaniya* [*Proletarian Culture: Organ of the Irkutsk Department of Public Education*], 1920, no. 1, Apr. 1, p. 37. (in Russ.)

[Anonymous] Sibirskie pisateli v Moskve [Siberian writers in Moscow]. Closing remarks by comrade Fadeev. *Sibirskie ogni* [*Siberian Lights*]. 1937, no. 3, p. 154. (in Russ.)

Budur N. Hamsun. Misteriya zhizni [Hamsun. The mystery of life]. Moscow, Young guard, 2008, 327 p. (in Russ.)

Chitatel'. “Drug” F. Chudakova. “Chayka” № 14, Blagoveshchensk [“Friend” F. Chudakova. “The Seagull” No. 14, Blagoveshchensk]. *Ekho* (Vladivostok) [*Echo* (Vladivostok)], 1919, no. 88, July 12, p. 6. (in Russ.)

Chuzhak N. Noveyshie pisateli: I. P. Potemkin (Pevets restoranno-parikmeherskoy kul'tury) [The newest writers: I. P. Potemkin (Singer of the restaurant and hairdressing culture)]. *Vostochnaya zarya* (Irkutsk) [*East Dawn* (Irkutsk)], 1909, no. 207, Dec. 25, p. 3. (in Russ.)

Efri. Novyy roman Gamsuna [Hamsun’s new novel]. *Sovetskaya Sibir'* (Novo-Nikolaevsk) [*Soviet Siberia* (Novo-Nikolaevsk)], 1925, no. 12, Jan. 15, p. 10. (in Russ.)

Georgiy V. [Vyatkin G. A.] Za ogonek [For the Light]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk) [*Siberian Life* (Tomsk)], 1911, no. 180, 14 Aug., p. 5. (in Russ.)

Goldberg I. G. Sladkaya polyn': Povesti, rasskazy [Sweet wormwood]. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House, 1989, 622 p. (Series "Literary Monuments of Siberia") (in Russ.)

Goldberg I. Prostaya zhizn' [Simple life]. Moscow, Irkutsk, Association of State Book and Magazine Publishers, 1936, 213 p. (in Russ.)

Goncharova O. M. "Igra" v zhizni i tvorchestve Antona Sorokina ["Game" in the life and work of Anton Sorokin]. In: Culture and text. Slavic world: past and present. Barnaul, 2001, p. 249–259. (in Russ.)

Grebenshchikov G. Sobr. soch. [Collected Works]. In 6 vols. Barnaul, Publishing House "Barnaul", 2013, vol. 4, 428 p. (in Russ.)

Grebenshchikov G. Vodyanoy [Vodyanoy]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk) [*Siberian Life* (Tomsk)], 1910, no. 15, Jan. 20, p. 2. (in Russ.)

Hamsun K. Dukhovnaya zhizn' Ameriki [Spiritual Life of America]. In: Hamsun K. Sobr. soch. [Collected Works]. St. Petersburg, Rosehip, 1909, vol. 1, 194 p. (in Russ.)

Isakov S. Gornyy dukh [Mountain spirit]. In: Grebenshchikov G. D. (ed.) *Altayskiy al'manakh* [Altai almanac]. St. Petersburg, 1914, p. 105–133. (in Russ.)

Itin V. [Rets. na]: Is. Gol'dberg. Zakon taygi. Irkutsk, 1923 [[Book Review]: Is. Goldberg The law of taiga. Irkutsk, 1923]. *Sibirskie ogni* [*Siberian Lights*]. 1923, no. 1–2, p. 240–241. (in Russ.)

Kamenetskiy B. [Eikhenvald Yu. I.] Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'* (Berlin) [*Rule* (Berlin)], 1923, no. 694, March 11, p. 2. (in Russ.)

Kazanskiy P. Dve utraty: A. I. Zhilyakov i St. I. Isakov [Two losses: A. I. Zhilyakov and Art. I. Isakov]. *Sibirskie ogni* [*Siberian Lights*], 1922, no. 2, p. 161–166. (in Russ.)

Krasnyy Altay (Barnaul) [Red Altai (Barnaul)], 1921, no. 135, Aug. 30, 4 p.; 1922, no. 298, Dec. 30, 4 p. (in Russ.)

Kravkov M. Iz sayanskikh skitaniy [Excerpts from the Sayan wanderings]. *Sibirskie ogni* [*Siberian Lights*], 1922, no. 2 (May-June), p. 50–57. (in Russ.)

Kravkov M. Tazhnymi tropami [Walking along taiga paths]. *Sibirskie ogni* [*Siberian Lights*]. 1923, no. 4, p. 66–79. (in Russ.)

Lipetskiy A. Nadya Dankova: Povest' [Nadia Dankova: A Tale]. St. Petersburg, Publishing of a former bookstore M. V. Popova, 1913, 146 p. (in Russ.)

Loginov F. Zaimka Vuchichevicha: Glavy iz povesti [Vuchichevich's Zaimka: Chapters from the story]. *Stalin's Kuzbass*, 1954, iss. 7, p. 137–167. (in Russ.)

Pinegin N. V. Zapiski polyarnika [Notes of the polar explorer]. Arkhangelsk, Sevkraygiz, 1930, 328 p. (in Russ.)

Prishvin M. M. Dnevniki. 1918–1919 [Diaries. 1918–1919]. St. Petersburg, Rostock, 2008, 560 p. (in Russ.)

Timenchik R. D. Zametki ob akmeizme II [Notes about the Acmeism]. *Russian Literature*, 1977, vol. 5, iss. 3, p. 281–300. (in Russ.)

Toporov A. M. Krest'yane o pisatelyakh [Peasants about writers]. Moscow, Gosizdat, 1930, 179 p. (in Russ.)

V-in G. [Vyatkin G. A.] "Roza Bernd" G. Gaupmana (Dva slova po povodu postanovki etoy p'esy na mestnoy stsene) ["Rose Bernd" by G. Hauptmann (Two words about the staging of this play on the local stage)]. *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni* (Tomsk) [*Siberian Bulletin of Politics, Literature and Public Life* (Tomsk)], 1905, no. 177, Aug. 27, p. 3–4. (in Russ.)

Vyatkin G. Golos s gor (Iz novostey inostrannoy literatury) [O "Peter Camenzind" H. Hesse] [A voice from the mountains (From the news of foreign literature) [About "Peter Camenzind" by H. Hesse]]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk) [*Siberian Life* (Tomsk)], 1912, no. 123, July 3, p. 2. (in Russ.)

Vyatkin G. Ibsen: Po povodu 100-letiya so dnya rozhdeniya [Ibsen: On the occasion of the 100th anniversary of birth]. *Sovetskaya Sibir'* [*Soviet Siberia*], 1928, no. 76, March 20, p. 5. (in Russ.)

Vyatkin G. Iz novinok belletristiki: Rasskazy Iv. Novikova [From the novelities of fiction: Stories by Iv. Novikov]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk) [*Siberian Life* (Tomsk)], 1912, no. 277, Dec. 14, p. 2. (in Russ.)

Vyatkin G. Psalom zhizni (O romane B. Kellermana "Ingeborg") [The Psalm of Life (On the novel by B. Kellermann "Ingeborg")]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk) [*Siberian Life* (Tomsk)], 1910, no. 219, Oct. 3, p. 3. (in Russ.)

Vyatkin G. Tsarevna: Eskiz [Tsarevna: Sketch]. *Omskiy vestnik* [*Omsk Bulletin*], 1912, additional to no. 168, July 29, between p. 2 and 3. (in Russ.)

Vyatkin G. Mechtateli [Dreamers]. In: *Vtoroy literaturnyy sbornik sibir'yakov. Rasskazy i stikhi: Tovarishcheskoe izdanie* [The Second Literary Collection of Siberians. Stories and Poems: Fellow Edition]. St. Petersburg, Printing house "North", 1908, p. 43–46. (in Russ.)

Vyatkin G. Stolichnye pis'ma: Na dekabr'skoy vystavke; Novosti Khudozhestvennogo teatra; Novoe literaturnoe obshchestvo i ego pervyy vecher [Capital letters: At the December exhibition; Art Theater News; New literary society and its first evening]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk) [*Siberian Life* (Tomsk)], 1911, no. 18, Jan. 23, p. 2. (in Russ.)

Yanovskiy N. Odin iz zachinateley sovetskoy literatury v Sibiri [One of the founders of Soviet literature in Siberia]. In: *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Novosibirsk, 1974, vol. 3, 622 c. (in Russ.)

Yanovskiy N. Zabytyy poet. Pamyati G. N. Oboldueva [Forgotten poet. In memory of G. N. Obolduev]. In: *Obolduev G. Stikhotvoreniya <19>20-kh godov* [Poems <19> of the 20s]. Moscow, Virtual Gallery, 2009, 304 p. (in Russ.)

Yanovskiy N. Zachinateli sovetskoy literatury v Sibiri [The initiators of Soviet literature in Siberia]. In: *Zhilyakov A. I., Delo mirskoe: Rasskazy. Isa-*

kov S. I. Nedra zhizni: povesti. Rasskazy. Ocherki. [Zhilyakov A. I., Worldly Case: Stories. Isakov S. I. The bowels of life: a story. Stories. Essays]. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House, 1986, 430 p. (Series “Literary Monuments of Siberia”) (in Russ.)

Zazubrin V. Proza “Sibirskikh ogney” [The prose of “Siberian Lights”]. In: Khudozhestvennaya literatura v Sibiri (1922–1927) [Fiction in Siberia (1922–1927)]. Collection of articles and reports. Novosibirsk: Siberian Union of Writers, 1927, p. 44–45. (in Russ.)

Zhilyakov A. Ulybka leta: Eskiz karandashom [Smile of summer: Pencil sketch]. *Zhizn' Altaya* (Barnaul) [*Altai Life* (Barnaul)], 1913, no. 137, June 23, p. 2–3. (in Russ.)

Archival materials:

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State Archives of the Novosibirsk Region]. F. 227, inv. 1, doc. 480; F. 271, inv. 1, doc. 213. (in Russ.)

Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [Historical archive of the Omsk region]. F. 1073, inv. 628. (in Russ.)